

— Тогда я просто скажу им правду. А подробности... подробно объясню отцу с матерью, — уныло произнёс солёная рыбина, глядя на свой уже изрядно округлившийся живот.

Придумать уважительную причину было слишком сложно, а подходящую — и вовсе невозможно. Поэтому юный господин-солёная рыбина решительно выбрал правду. Учитывая, кто такой Даос, отец его, скорее всего, бить не станет.

В покоях императора лицо Вэнь Цзина светилось от радости:

— Молодой господин и в самом деле согласился вернуться в столицу вместе с Вашим Величеством?

Жар, расплзшийся по ушам Инь Яньцзюня, только начал спадать. Услышав это, он невольно улыбнулся уголками губ. Перед Вэнь Цзином он лишь едва заметно кивнул:

— Угу.

— Вот и прекрасно. Молодой господин теперь носит наследника дракона, оставаться здесь небезопасно. Лучше вернуться во дворец, — Вэнь Цзин был в полном восторге. Ещё три-четыре месяца — и во дворце появится новый господин. А раз уж они возвращаются в столицу, предстоит подготовить множество, множество дел.

Он потер ладони, воодушевлённо прикидывая. Сейчас дворец полностью находился под контролем императора, и допустить ошибку было нельзя. Придворную прислугу предстояло надлежащим образом обучить и приучить к дисциплине. Он обязательно устроит всё так, чтобы молодой господин жил там не хуже, чем в деревне семьи Сюй — также спокойно и счастливо.

— Молодой господин сейчас на сносях, долгой дороги не выдержит. До Нового года времени достаточно — поедем неспешно. Ступай, готовь всё, — Инь Яньцзюнь закрыл крышку деревянного ящика с древними свитками, лёгкая улыбка скользнула по его бровям.

— Есть, — откликнулся Вэнь Цзин и уже было собирался выйти, как император остановил его. Он обернулся в ожидании.

— Ладно, неважно. Сначала займись повозкой, — махнул рукой Инь Яньцзюнь, на лице его промелькнуло нечто сложное.

Вэнь Цзин поклонился и вышел.

Инь Яньцзюнь вновь принялся за свитки, затем опустил их за письменный стол. Он вспомнил, как хорошо проявил себя маркиз Уань, когда император оказался в заключении... а теперь он оказался в такой ситуации с сыном того самого маркиза...

Будь это отпрыск какой-нибудь другой знатной семьи — уладить всё было бы куда проще. Но это был сын именно маркиза Уаня — и потому всё казалось куда более деликатным.

К тому же, вернуть молодого господина в столицу сегодня удалось во многом благодаря его особому телосложению. Иначе, зная характер молодого господина, разве можно было бы так просто уговорить его отправиться во дворец?

Инь Яньцзюнь вздохнул. Перед этим вечно вялым и медлительным молодым господином он, обычно решительный и волевой, чувствовал себя совершенно бессильным. Вспоминая тот

неуклюжий поцелуй, сердце снова тревожно ёкнуло. О привычном самообладании и строгости не осталось и следа.

— Молодой господин, молодой господин, мы правда возвращаемся в столицу? — Му Ю, с опозданием узнавший новости от Ци Чэня, поспешно прибежал к своему хозяину.

Солёная рыбина лениво кивнул:

— Беги, собирай вещи. И заодно проследи, чтобы снаружи охрану и тётушку Ли как следует устроили.

— О тётушке Ли и стражниках уже позаботился даос Вэнь Цзин. Молодой господин, мы и правда едем в столицу вместе с даосом Сюаньчэном? — Возвращение в столицу для Му Ю не имело особого значения. Гораздо важнее было то, что его господин столько раз упрашивал госпожу, прежде чем она наконец согласилась. А теперь вдруг — и едут?

— Хм. Слова отца ребёнка достойны размышлений, — солёная рыбина лишь надеялся, что когда мать будет его бить, она вспомнит, кто такой даос Сюаньчэнь, и кого он носит под сердцем, — и, быть может, пощадит. А нет — так он снова пойдёт жаловаться даосу.

В конце концов, ко всему привыкаешь. Став толстокожим, Сюй Яньцин уже совершенно без зазрения совести устраивал истерики на голову даоса Сюаньчэня — и сейчас вовсе не чувствовал в этом ничего странного.

— Отец ребёнка... это кто ещё? — Му Ю по-прежнему пребывал в полном замешательстве.

Сюй Яньцин с презрением покосился на него:

— А ты как думаешь? — Как ему только достался такой недалёкий слуга, солёная рыбина тяжело вздохнул.

Но в этот раз до Му Ю вдруг дошло. Он тут же вспомнил странные слова молодого лекаря Ци, а заодно — даоса Сюаньчэня, который как-то задержался в комнате его господина допоздна. Глаза его распахнулись от изумления:

— Молодой господин, разве это не разрушило даосу Сюаньчэню путь к даосскому совершенству?

Сюй Яньцин цокнул языком, небрежно взял со столика сборник рассказов и лёгким движением стукнул Му Ю по голове:

— Ты у меня личный слуга. С каких пор стал за даоса Сюаньчэня горой стоять? Или мне тебя к нему отправить, в прислужники?

Так и не осознав, насколько ужасна перспектива попасть в услужение к даосу Сюаньчэню, Му Ю глупо расхохотался, почесал голову и сказал:

— Молодой господин, не надо меня отдавать. Я просто немного запутался, вот и всё. В сердце Му Ю молодой господин, конечно же, важнее всех!

— Ладно, ладно. Иди уже собирайся. А то у меня от одного твоего вида голова кругом идёт, — солёная рыбина лениво раскрыл книгу и накрыл ею лицо. Он слишком долго сегодня думал — пора отдохнуть.

Собираться предстояло долго, так что выехать сегодня было точно невозможно. После купания Сюй Яньцин взял мазь, которую приготовил Ци Чэнь, и стал втирать её в живот. Сейчас он выглядел, как небольшой арбуз, привязанный к животу, — зрелище неприятное и труднопереносимое.

Потёр пару раз — и тут же почувствовал, как заныло запястье. Солёная рыбина лениво швырнул мазь на прикроватный столик. Именно в этот момент в комнату вошёл Инь Яньцзюнь и увидел эту сцену.

— Запястье болит? — Он неспешно подошёл к кровати, поднял мазь, что молодой господин небрежно отбросил, положил её на подушку и посмотрел на него с мягким, тёплым взглядом.

Увидев даоса Сюаньчэня, унылая солёная рыбина невольно вспомнил, как он вёл себя по отношению к нему сегодня днём. Сымитировав кашель, он нехотя признал:

— Немного побаливает.

— На шестом-седьмом месяце у некоторых действительно начинают болеть запястья. Я сделаю вам тёплый компресс, — сказал Инь Яньцзюнь спокойно, поднялся — и, прежде чем Сюй Яньцин успел среагировать, вышел за дверь.

Вскоре он вернулся с тазом горячей воды. Этот даос, некогда ясный, как луна и ветер, стойкий, словно сосна или бамбук, теперь словно бы опустился в мирскую пыль — уже не такой отстранённый и возвышенный, как в день их первой встречи.

Пока солёная рыбина блуждал в мыслях, даос Сюаньчэнь мягко взял его за запястье. Тёплый компресс быстро снял ноющую боль.

С позиции Сюй Яньцина, глядя снизу вверх, он видел мягкий и серьёзный взгляд даоса, а также его длинные ресницы. Под пристальным взглядом солёной рыбины ресницы слегка дрогнули, и в сердце Сюй Яньцина вдруг пробежала странная волна.

Он не выдержал — поднял вторую руку и кончиками пальцев коснулся чёрных, как смоль, ресниц даоса Сюаньчэня. В полголоса прошептал:

— Даос-наставник, у вас действительно лицо небывалой красоты...

Оно могло превратить даже вялую солёную рыбу в бесстыдного негодяя, сплошь преисполненного жадности.

Инь Яньцзюнь медленно моргнул; кончики его ушей снова начали краснеть и гореть. Он смущённо, но с мягкой улыбкой посмотрел в глаза молодому господину:

— Я всего лишь смертный. То, что молодой господин сочёл меня приятным внешне — великая удача для меня.

— Но всё-таки удивительно: вы ведь почти тридцати лет, а ни разу никому не симпатизировали, — солёная рыбина распахнул круглые глаза, полные искреннего удивления.

Инь Яньцзюнь снова смочил ткань в горячей воде, взял другую руку молодого господина и приложил компресс. Услышав его слова, он на мгновение помрачнел, но тут же мягко сказал:

— Молодой господин, хотите услышать о моём запятнанном прошлом при дворе?

Раньше солёная рыбина, услышав такое, наверняка бы замахал руками: мол, спасите от этих придворных интриг и смертельных заговоров. Но сейчас, глядя в ясные и холодные глаза даоса Сюаньчэня, он вдруг почувствовал, как в сердце собеседника прячется нечто глубокое. Не раздумывая, он кивнул:

— Если речь идёт о прошлом даоса-наставника, я, естественно, весь во внимании.

Инь Яньцзюнь чуть улыбнулся, услышав это. Он отбросил остывшую ткань обратно в таз с водой и начал неторопливо:

— Я родился наследным принцем государства Далян, с детства находился под бдительным взором как прежнего императорского двора, так и внутреннего дворца. Каждое моё слово, каждое движение должны были быть выверены до мельчайших деталей.

Он бережно массировал запястье молодого господина, его голос звучал ровно, почти без эмоций:

— Покойный император особо благоволил благородной наложнице, поэтому меня отправили в даосский монастырь молиться за здоровье монарха. К счастью, у меня были некоторые способности, и я не опозорил титул наследного принца.

Наследный принц добровольно удалился в затворничество, однако благородная наложница от этого стала ещё напористей. Она не упускала ни единой возможности унижить Инь Яньцзюня.

В конце концов, покойный император издал указ, по которому принц должен был вступить в брак. Инь Яньцзюнь простоял на коленях перед Великим залом день и ночь, но всё равно не добился отмены указа.

Воспитанный в уединении при даосском храме, принц был вынужден жениться на женщине, которая любила другого. В день свадьбы Инь Яньцзюнь обо всём договорился с будущей супругой — думал, сможет прийти к соглашению.

Но та, назначенная императором кронпринцесса, была высокомерна и презирала принца, выросшего в монастыре и обделённого отцовским вниманием. Подстрекаемая благородной наложницей, она в брачную ночь подсыпала в вино «любовный яд», чтобы навсегда лишить принца потомства — и чуть не заколола его ножом.

— Жаль, что нож не попал как следует, — спокойно улыбнулся Инь Яньцзюнь. — В итоге я всё равно унаследовал трон.

Пол-мира — за спиной. Ни жены, ни детей. Ни разу за все эти годы он не питал к кому-либо чувств. За исключением одного — этого молодого господина, что неожиданно вошёл в его размеренную и холодную жизнь. Пускай тот и был ленив, внутри он горел ярким пламенем — живым и бесстыдным, — что не отпускало и оставалось в памяти.

В оригинальной истории император был всего лишь фоном, необходимым, чтобы сдерживать параноидального второстепенного героя. Его роль — лишь служить рычагом, продвигающим сюжет главной пары. Но нынешний даос Сюаньчэнь, стоявший перед Сюй Яньцином, — был живым человеком, умеющим улыбаться, злиться, страдать.

Сюй Яньцин моргнул, в груди вдруг защемило. Он поднял руки и крепко обнял холодного, отрешённого даоса, а слегка округлой ладонью ласково похлопал его по спине:

— Даос-наставнику тогда, наверное, было очень больно.

Пренебрежение и недоверие родного отца, интриги гарема и прежнего двора — всё это в итоге вознесло даоса Сюаньчэня на недостижимую высоту. Но за этим стоял одинокий человек.

Инь Яньцзюнь чуть вздрогнул от внезапных объятий. Затем его глаза мягко заулыбались. Он поднял руку и провёл по мягким волосам молодого господина:

— Да. Я ведь тоже всего лишь человек. Как же не грустить?

Но это было давно. Всё давно осело в пыль, все события — будто мыльные пузыри. Зачем ворошить прошлое?

Маленькая фасолинка под сердцем внезапно зашевелилась. Сюй Яньцин словно что-то вспомнил. Он отпустил даоса, взял его руку, положил себе на живот и с серьёзным видом сказал:

— Если вдуматься, браки по принуждению — просто зло. Особенно те, что идут вразрез с желаниями самих людей. Вот они — настоящая мерзость. Так что, даос-наставник, прошу вас: впредь не устраивайте никому браков без спроса!

В конце концов, это был его ребёнок, которого он вынашивал десять месяцев с таким трудом. Единственное, что Сюй Яньцин мог сделать для своей маленькой фасолилки прямо сейчас — это избавить её от брака по расчёту и от судьбы второстепенного героя с одержимостью.

Инь Яньцзюнь слегка опешил. Мысли молодого господина снова скакнули слишком резко. Он просто не успевал уследить, как тот добрался от любовной драмы до института брака. Под его ладонью фасолинка бодро шевелилась, перекатываясь в животе.

— Молодой господин, кажется, вы плохо нанесли мазь — из-за большого запястья? — вдруг вспомнил Инь Яньцзюнь, как вошёл в комнату и увидел, как тот небрежно отшвырнул баночку с мазью.

Он протянул руку, взял мазь с прикроватного столика, и его спокойный, мягкий взгляд снова упал на живот молодого господина.

— Молодой господин, срок уже немалый, и с каждым днём ребёнок будет становиться всё крупнее. Эту мазь обязательно нужно наносить как следует.

Солёная рыбина немного смутился — неловко всё-таки, когда даос-наставник помогает тебе мазать живот. Но, в конце концов, слова даоса были разумны. По сравнению с нестерпимым зудом, временный стыд — сущий пустяк. Поэтому он без зазрения совести решил: пусть даос-наставник поближе пообщается с будущим кронпринцем.

Молодой господин задрал одежду, обнажив округлый, белоснежный живот. Мазь, приготовленная Ци Чэном, оказалась весьма действенной. Юный господин старательно наносил её всё это время, и хоть живот становился всё больше, прежний зуд больше не возвращался.

Инь Яньцзюнь смотрел на него с теплотой. Он растёр мазь в ладонях, разогревая, и бережно начал втирать её в кожу молодого господина.

В тот момент, когда тёплая ладонь даоса Сюаньчэня коснулась его живота, солёная рыбина

почувствовал лёгкое покалывание — странное, но вовсе не неприятное.

Сегодня фасолка в животе, казалось, была особенно оживлённой. Куда бы ни легла рука даоса, малыш тотчас плавно перекатывался туда, словно играл с отцом.

Юный господин не удержался от зевка и, прислонившись к подушке, начал клевать носом. К тому времени, как Инь Яньцзюнь закончил наносить мазь, он уже крепко спал.

Тот опустил одежду, прикрыв округлый живот, аккуратно накиннул одеяло, а затем вымыл руки в той самой воде, которой использовал для горячего компресса.

Несколько мгновений он просто молча смотрел на спящего юношу, и в его взгляде теплилась мягкость и сосредоточенность. Молодой господин был именно таким, как он себе представлял — тёплым, пылким. В тот миг, когда тот обнял его, сердце наполнилось каким-то неведомым покоем.

Но время ещё не пришло. Его молодой господин...

Он мягко провёл пальцами по щеке юного господина, обнял его и бережно поправил, чтобы тот лежал удобнее. И только после этого Инь Яньцзюнь встал и вышел из комнаты.

На следующий день, когда Сюй Яньцин проснулся, на улице уже было светло. Му Ю стоял перед курятником и прощался с последними курами. Сегодня они покидали деревню семьи Сюй, и кур, конечно, с собой не взять — всех оставили пухлomu мальчишке А Нину.

Вэнь Цзин каким-то образом раздобыл несколько повозок. Они уже стояли у входа, ожидая, когда молодой господин проснётся, чтобы можно было загрузить вещи, собранные ещё накануне.

— Молодой господин, оставьте эти мелочи им, идите, кушайте поскорее, — тётушка Чжао оттащила его обратно на кухню, испугавшись, что слуги, таскающие ящики, могут случайно задеть господина. Пусть они сегодня и покидали деревню, но тётушка Чжао всё равно приготовила на завтрак целый пир.

Ци Чэнь уселся рядом с Сюй Яньцином, сдобной булочкой в руке.

— Эх, уезжаем мы сегодня из деревни семьи Сюй... Честно говоря, даже жалко немного, — вздохнул он, качая головой.

Сюй Яньцин покосился на него и с прищуром сказал:

— Печалишься, что больше не сможешь сплетничать с тётушками?

Ци Чэнь замахал рукой:

— Какие же это сплетни? Это, между прочим, культурный опыт! Я, может, на основе этого жизненного материала такую непревзойдённую повесть напишу!

— Уже придумал сюжет? Рассказывай! — заинтересованно спросил Сюй Яньцин. Он ведь помнил, как Ци Чэнь как-то мимоходом обмолвился, что хочет сочинить книжку, но тогда он подумал, что тот просто шутит. Неужели и впрямь серьёзно?

Глядя на сидящего рядом живого прототипа, Ци Чэнь невольно почувствовал укол совести:

— Пока ещё на стадии обдумывания... Вот как определюсь, сразу доложу молодому господину!

Доложить — это вряд ли. Чтобы молодой господин не начал его доставать, Ци Чэнь твёрдо решил: свою уникальную, непревзойдённую повесть он будет держать в секрете. Ни наставник Сюаньчэнь, ни тем более Сюй Яньцин о ней не узнают!

— Цц, — фыркнул Сюй Яньцин, откусывая фрикадельку. — Ещё говоришь, что не хвастаешься? Если бы я надеялся на тебя, чтобы читать что-то интересное, я бы лучше попросил даоса Вэня принести новые книжки!

— Вот именно, пусть молодой господин и попросит даоса Вэня! — Ци Чэнь закивал с энтузиазмом. Надо отдать должное: те книги, что молодой господин дал ему почитать, были и правда необыкновенные — даже интереснее тех, что он сам собирал. Наставник Вэнь Цзин — настоящий клад!

Тем временем Вэнь Цзин действовал быстро: под его началом слуги уже всю грузили вещи на повозки.

Инь Яньцзюнь отложил кисть с чернилами и передал письмо Вэню Цзину:

— Сначала отправь это тайное донесение в столицу — через почтового голубя.

Вэнь Цзин принял письмо из рук императора и вышел из комнаты. И тут навстречу ему, с лакированным подносом в руках, шёл молодой господин Сюй. Он поспешил к нему и попытался взять поднос:

— Молодой господин, что вы здесь делаете? Есть ли какие-то особые распоряжения?

— Да ничего особенного. Ты иди, занимайся своими делами. Я услышал от тётушки Чжао, что даос-наставник ещё не завтракал, вот и принёс немного еды, — сказал Сюй Яньцин. Поднос в его руках был не тяжёлый, поэтому он не стал передавать его Вэнь Цзину.

Улыбка появилась на лице Вэнь Цзина. Убедившись, что молодой господин благополучно вошёл в комнату, он с облегчением развернулся и пошёл исполнять распоряжения императора.

— Даос-наставник, вы, должно быть, и впрямь очень заняты — даже поесть времени нет, — молодой господин пододвинул поднос ближе к Сюаньчэню, а в больших круглых глазах блестело озорство.

Взгляд Инь Яньцзюня был мягким, в глазах сверкала лёгкая улыбка:

— Сейчас всеми делами в столице занимается принц Хуай, мне беспокоиться особо не о чем. Однако раз молодой господин собирается войти во дворец вместе со мной, должны приготовления, разумеется, необходимы.

Солёная рыбина и представить не мог, что, задирая даос-наставника, нарвётся на встречный удар. Поэтому, не желая уступать, юный господин снова перехватил инициативу:

— Ну да, дворец ведь огромный. Такому скромному юному господину, как я, стоит, пожалуй, выбрать какой-нибудь уединённый уголок. Как же мне жаль себя — обманут, забеременел, и в итоге даос-наставник упрятал меня подальше, в самую глушь дворца. Небеса несправедливы!

Он притворился плачущим, а прекрасное и изысканное лицо было полным нарочитой обиды. В глазах Инь Яньцзюня мелькнуло потаённое снисхождение:

— Раз молодой господин не желает жить в глубине дворца, быть может, сам подскажет, где ему будет удобнее?

— Ох, всё-всё, даже говорить не надо, а даос всё ещё колеблется? Разве такому прекрасному юному господину, да ещё и носящему в себе драконье семя, не полагается жить во дворце Цзяофан? — Сюй Яньцин драматично всхлипнул. — Видно, я недостоин. Даос-наставник и впрямь бессердечен!

— Хахахаха! — в конце концов, молодой господин не выдержал и расхохотался. С таким чистым и возвышенным лицом, как у даоса Сюаньчэня, просто невозможно было представить его в роли бессовестного Чэнь Шимэя, бросившего жену и ребёнка.

— Даос-наставник, скорее ешьте! — молодой господин с сияющей улыбкой указал на поднос с едой.

В глазах Инь Яньцзюня играла усмешка. Он мельком взглянул на юного господина, а затем, поддавшись его настойчивым уговорам, склонился над подносом и принялся есть.

—

Узнав, что его дядюшка и даос-наставник Сюаньчэнь уезжают сегодня из деревни семьи Сюй, маленький А Нин ходил от одного к другому с заплаканными глазами, в конце концов вцепился в дядину ногу и зарыдал навзрыд.

Инь Яньцзюнь обхватил молодого господина сзади, поддерживая за талию, чтобы пухленький ребёнок не сбил его с ног. Видя, как тот окончательно растерялся перед лицом детских слёз, даос великодушно протянул руку и отцепил ребёнка от ноги.

— А Нин ведь уже учится читать. Если будешь хорошо учиться, то однажды сам отправишься в столицу сдавать императорские экзамены. Тогда снова сможешь увидеться с дядюшкой, правда? — Он похлопал пухлую головку ребёнка, и несколькими простыми словами утихомирил его неудержимый плач.

Солёная рыбина, стоящий рядом, с грустью вздохнул, подумав, что с таким терпением у даос-наставника, он, пожалуй, и вправду сможет вырваться из канонов оригинального сюжета и стать очень, очень хорошим отцом.

Наконец, после того как дядя и племянник обменялись клятвой на мизинцах, А Нин покорно вернулся в объятия матери.

— Чего это вы так спешите? Мы даже не успели как следует подготовиться, — Сюй Юань пришёл с женой и детьми, чтобы проводить Сюй Яньцина.

— Мы и сами думали задержаться подольше, — с улыбкой ответил Сюй Яньцин, — но у даос-наставника Сюаньчэня возникли срочные дела дома, нужно скорее возвращаться в столицу. А так мы поедем вместе, по дороге друг за другом присмотрим.

Хотя говорили, что ничего не успели подготовить, семья Сюй всё же собрала целую телегу деревенских угощений:

— Когда твой отец был маленьким, он очень любил всё это. Только тогда мы были бедны, и позволить себе ничего не могли. А теперь зажили получше. Передай отцу: если чего захочет — пусть пишет, я найду кого-нибудь, пришлют.

Юный господин с уважением слушал наставления старших, раз за разом кивая.

В конце концов Сюй Юань хлопнул его по плечу:

— В дороге будь осторожен. И передай привет от нас твоему отцу с матерью.

Сюй Яньцина помогли забраться в карету — Инь Яньцзюнь поддержал его. Повозки тронулись, постепенно скрываясь из виду.

А Нин, сидящий у матери на руках, снова зарыдал, пока его не удалось утешить.

Сюй Юань обернулся к госпоже Сун и сказал:

— Что-то мне кажется, А Цин стал намного круглее, чем был, когда только приехал... Разве он не болел?

— Вот ещё! — недовольно хлопнула его по плечу госпожа Сун. — Что ты такое говоришь! Лучше уж потолстеть, чем быть худым. К тому же у нас в деревне, сам знаешь, воздух и фэншуй целебные — вот и поправился!

Сюй Юань чувствовал, что что-то тут не так, но был умён и спорить с женой не стал. Семья направилась домой.

<http://bllate.org/book/12638/1120953>